

№ 12.

СМИРНОВ В. А.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ

ЧАСТЬ 1.

**Край до русских, русское завоевание, хозяйство
и быт в 17 и 18 веках).**

**Издание Бюро Краеведения при Красноярском
Отделе Русского Географического Общества.**

▲▲▲
■ **Цена 25 коп.** ■
▼▼▼

КРАСНОЯРСК
Государственная Типо-литография
1926

40562

КРАСНОЯРСКАЯ
КРАЕВАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ.

**Древнейшая история
края.**

История края до прихода русских изучена пока еще чрезвычайно слабо. Бесчисленные переселения народов на его территории приводили на протяжении веков к полной перемене населявших его групп, одна культура за другую сменялись на нашей территории, но сказать точно, какие это были культуры, какие народные группы и когда, возможно только в очень редких случаях. Собственная письменность, и то в немногих образцах, обнаружена лишь на юге, соседние культурные государства, как Китай, упоминают о событиях приенисейской истории только случайно, а данные археологические еще недостаточно многочисленны, чтобы можно было дать на основании их полную картину местного до-русского прошлого.

Во всяком случае некоторые черты древнейшего прошлого можно попытаться набросать, и оно представляется нам в таком виде. Насколько можно судить по данным сравнительной этнографии и археологии, а именно: по предметам домашнего обихода, одежде и языку современных туземцев, с одной стороны, и предметам, находимым в могилах,—с другой, древнейшим населением края были сохранившиеся сейчас только на севере палеазиаты и самоедские племена. Под постоянным давлением приходивших с юга и, может быть, с востока более сильных племен, представителей иной, высшей культуры, аборигены края постепенно отеснялись на север, сначала в леса тайги, а потом и далее, на безграничные пространства тундры. С ухудшением жизненных условий и сокращением удобств и возможностей существования культура их постепенно приходила в упадок, и они становились менее способными отстаивать себя и от влияния природы и от посягательств жадных соседей. Поэтому на юге культура всегда стояла выше, чем на севере, временами она достигала даже большого расцвета, особенно в период бронзовых изделий, когда и по технике, и по размерам производства Минусинский район стоял очень высоко, и мы не знаем только, какой народ являлся носителем этой высокой культуры.

Государственные организации края.

Переходя к историческому времени, т. е. начиная с времени приблизительно за 2000 лет до Р. Х., мы встречаем опять-таки только на юге более или менее значительные государственные образования. Уже размеры могильных погребений и особенно курганов показывают, что в распоряжении государей юга было многочисленное население, которое было

ПОСЛАЩЕНО

в состоянии доставить к месту погребения громадные (до 3 саж.) надгробные камни и насыпать многосаженные курганы. А затем, когда появляются и письменные памятники, они это подтверждают вполне, хотя событий мирового значения в Приенисейском крае искать не приходится. Можно думать, что центр всех государств, в состав которых временами входили южноенисейские земли, всегда находился к югу от Саян и до Танну-Ола или на Алтае, и там только происходили события, последствия которых отзывались в бассейне южного и среднего Енисея.

По китайским сведениям, народ билэ или делочи, жил оседло в этих местах до 7 в. и имел голубые глаза и светлые волосы. Однако, с юга в дальнейшем пришли завоеватели-кочевники и скотоводы и в 6 в. уйгуры, смешавшись с туземцами, основали здесь свое государство, простиравшееся от верховьев Енисея до Селенги. Сколько-нибудь значительной организации у них не было, как не было и общего главы, но каждый род приходил к соседям на помощь. Сражались они ордою по азиатскому обычаю и поражали китайцев употреблением кумыса и нечистоплотностью. Очевидно, на китайскую мерку, культура и организации их были довольно слабы. Поэтому часть их подчиняется власти жуан-жуанов (монголов), а около 550 года все они вместе подчиняются власти тюркского племени а-шин. Это были тоже скотоводы и охотники, жили они в кожаных юртах, и китайцы отзывались о них как о диком народе, безжалостном и суровом. Их центральная святыня находилась на Енисее, выше впадения Кемчика и Джакуля, где стояло много идолов и были писаницы грубой работы.

Затем государство а-шин приходит в упадок, уйгуры освобождаются и, сами подчинив тюрков, образуют к 9 веку государство, простиравшееся от оз. Балхаш до р. Селенги. Затем в свою очередь против уйгуров восстают хакасы, жившие в минусинском крае, и после ряда упорных войн захватывают их столицу. Тогда оседлые уйгуры образуют свое царство в области Тяньшаня, в вассальной зависимости от Китая (до 1209 г.), а хакасы образуют большое и самостоятельное владение от них к северу.

Это был могущественный народ, их владения простирались на юг до Тибета, на запад до кайсакских степей, на восток до уйгурского племени сойонов, на юге они всюду граничили с уйгурами. Отличались они от окружающих кочевников и своим внешним видом—все они имели голубые глаза и светлые волосы и были высого роста,—и образом жизни: они стояли на более высокой ступени хозяйства, были знакомы с земледелием и сеяли пшеницу, просо, ячмень и среди их многочисленного скота было особенно много коров. Общий предводитель их Ажо жил в кожаной юрте, окруженной частоколом, и управлял ими при помощи чиновников. Народ жил зимою в землянках, крытых корою. Законы их были очень строги, особенно наказания за воровство.

С 9 века история о хакасах умалчивает и только в эпоху Чингис-хана встречается упоминание о них, но уже под именем киргиз, добровольно подчинившихся монголам и составлявших авангард их войска. А затем, когда монгольское государство распалось и Центральная Азия вновь вернулась к распадению на многочисленные орды,

взаимно враждовавшие и взаимно ослаблявшие друг друга, наступило состояние одичания, которому и следует приписать отсутствие сведений за это время.

Население края перед приходом русских.

Таким образом, в момент прихода русских ни значительных государств, ни признаков развивающейся высокой культуры в крае не было, и только одни курганы и на юге остатки заброшенных оросительных сооружений могли свидетельствовать о величии далекого прошлого. Во всяком случае к этому времени исконные обитатели края—палеазиаты и самоеды—были уже оттеснены на север, в лесные районы, где еще у аринов сохранилась некоторая практика земледелия, и в горы, а на юге расположились кочевники-тюрки южного происхождения. Затем, повидимому, почти одновременно с русскими приходят татары, поселившиеся по Чулыму и Каче, а с юго-востока начинается движение бурят, авангард которых доходил до Кана. Таким образом, когда русские пришли в Приенисейский край, они нашли там хотя и немногочисленное, но чрезвычайно пестрое население.

1. На севере находились редкие поселения древнеазиатов, или енисейцев, к которым принадлежат племена енисейских остяков, по р. Кети, аринов по Енисею, асанов и коттов по Кану. Разбросанные в лесах тайги и лесостепи, эти племена не имели прочной общественной организации, хотя в южной полосе наряду с охотой и рыбной ловлей важное значение имели у них скотоводство и примитивное земледелие, принесенное, очевидно, ими сюда с юга, где жили они ранее. В начале 17 в. они подвергались постоянным нападениям киргизов с юга и бурят с востока и должны были платить им дань. На юге по Абакану единственным остатком енисейцев являлись бельтиры, единственный оседлый народ среди окружавших его кочевников-тюрков. Несколько позднее их подверглись давлению и смещению на север племена самоедские. Радлов относит к ним тубинцев, маторов и камасинцев, живших по Тубе и Кану. Это были воинственные племена, ревниво отстаивавшие свою самостоятельность, хотя и числившиеся данниками монгольского царства Алтын-ханов. Остальные племена отступили под давлением тунгусов на север, где и сохранились под именем самоедов, юраков и др.

2. На правом берегу Енисея, к северу от Ангары, размещались немногочисленные, но довольно частые поселения воинственных тунгусов, пришедших сюда с юго-востока. Но тунгусы, разделяясь на роды, не могли составить какого-либо значительного государства и только в отдельных случаях встречаются указания на попытки такой организации; так, у князя Данула было 300 воинов, одинаково вооруженных и одетых.

3. К востоку от коттов и камасинцев по реке Уде и Бирюсе жили буряты, или братские.

4. В средней полосе (в южной части тайги и в лесостепи) жили „татары“, новопришедшее племя, еще не успевшее слиться с местными аборигенами. Это качинцы на левом берегу Енисея и чулымские татары по Чулыму. Пришли они с запада и почти всегда оказываются на стороне русских в борьбе с киргизами и их данниками, что

также доказывает позднее их появление. Объясаченная в 1608 году Тулкина земля была в 1621 году уже занята и качинцами на-ряду с аринами. Это уже были истые скотоводы и даже 100 лет спустя земледелие у них совершенно не прививалось. Группа качинцев, ушедшая на восток на Кан и Бирюсу (карагасы), там ассимилировалась с другими племенами.

5. По обоим Июсам и Чулыму жили кизилы, всецело входившие в сферу киргизского влияния. Повидимому, этот народ образовался из слияния разных этнографических элементов—енисейских остяков, кайсаков и других тюрков.

6. В верхнем течении Енисея жили киргизы, которых не следует смешивать с кайсаками и которые держали под своей властью ряд указанных выше народов.

К этому времени земледелием они уже больше не занимались и всецело отдались скотоводству, получая от подчиненных инородцев дорогие меха. Сами киргизы делились на 4 княжества: Тубинское по Тубе, Исарское или Езерское, по левому берегу Енисея, к западу от них, по Уйбату,—Алтырское, наиболее значительное из всех, и на севере по Июсам и около Божьего Озера—Алтысарское. Во главе каждого княжества стоял князь, окруженный знатью, и при каждом князе был совет с административными и судебными функциями.

7. Горная Азия от Амура до оз. Балхаш вплоть до 17 в. находилась под властью монголов, но уже вскоре после Чингис-хана отдельные орды обособились: буряты—вокруг Байкала, знаменные монголы, подчинившиеся Китаю, и к северу от Гоби—халха. В середине 16 в. в западной части монгольского плоскогорья от истоков Селенги и оз. Косогол и до верхнего Иртыша образовалось могущественное государство, которое не только присоединило к себе многие монгольские и калмыцкие племена, но и тюрков-киргиз по Енисею и телеутов между Иртышом и Обью, хотя, кажется, власть их в этих последних районах не была особенно прочной. Это было царство Алтынханов или золотых ханов, главная ставка которых была у оз. Упса. В 1642, 1650 и 1654 г.г. войска Алтын-хана нападали на северных киргизов и доходили почти до Красноярска. В 1657 г. монголы опять погромили киргиз и собирались уже искоренить совершенно русских в Красноярском и Кузнецком уездах и только смерть хана заставила нападающих спешно уйти назад. В 1659 г. хан Лоджан снова потребовал дани от киргиз и тубинцев, а 4 года спустя погромил киргиз вплоть до Июса и потребовал от красноярского воеводы выдачи бежавших в русские пределы киргиз. Только возникновение калмыцкого государства на западе составило для монголов настолько сильную угрозу, что они стали искать дружбы русских и для этого от дальнейшей поддержки киргиз отказались.

Калмыки, или ойраты, делившиеся на 4 племени, жили к северу от Тяньшаня. В 16 в. они еще не знали земледелия и занимались скотоводством. Жили они родовым бытом и главный правитель их назывался Контайша. Объединителем их был тайша Батур, простиравший свои притязания и на киргизские земли и в 1636 г. называвший енисейских киргизов своими данниками. Затем преемник его Сенга тайша в 1666 году приходил за данью в область Абакана. Кир-

гизы ему подчинились, а при преемнике его Галдане царство калмыков еще более расширилось и включило в свой состав монголов по Иртышу, а также телеутов между Иртышем и Обью. Затем Галдан вступил в упорную борьбу с Алтын-ханом и к 1690 г. уничтожил своего противника, и западные монголы продвинулись вплоть до Енисея.

Таковы были жители края и их ближайшие соседи. Ни сильных и культурных государств, ни развитой хозяйственной и культурной деятельности русские не встретили ни у тех, ни у других, и строить новую жизнь, оживить необъятный богатый край выпало на долю русских.

Русское завоевание. Знакомство русских людей с Приенисейским краем началось с севера, куда группы поморов-промышленников и торговцев плавали еще в 16 веке. На своих небольших судах, не боясь ни бурь и льдов на море, ни трудностей перетаскивания судов и товаров на волоках по пути через Ялмал и из Таза в Енисей, ни, наконец, столкновений с туземцами и своими же русскими „лихими людьми“, они смело пробирались до устьев Оби и Енисея и на севере края вели далеко не безвыгодную торговлю, скупая у туземцев дорогие меха песцов, соболей и лисиц в обмен на свои товары. Выработался даже определенный путь для этих экспедиций—морем до Ялмала, затем через него р. Мутной, из нее волоком в р. Зеленую, Обскую и Тазовскую губы, вверх по Тазу и оттуда опять волоком на Турухан. Пробовали по их следам пройти в Сибирь и иностранные промышленники, но замечательно, в то время, как русские плавания в Обь и Енисей к концу 16 века сделались обычным явлением, ни один иностранный корабль до Сибири не дошел ни в этом, ни в следующем столетии, хотя попытки делались часто.

По мере завоевания русскими Западной Сибири умножались и пути, которыми проникали в бассейн Енисея искатели счастья: из Оби по Ваху поднимались до волока в р. Елогуй, приток Енисея, и выходили в ту же богатую Мангазейскую землю, как называли в 16 и следующем столетии Туруханский край, а еще южнее по Кети поднимались до нынешнего с. Маковского и оттуда волоком в р. Кас или Кемь и выходили к нынешнему Енисейску.

Следом за промышленниками шли правительственные агенты. В 1597 году ставится Кетский острог ¹⁾ на р. Кеть, опираясь на который, казаки захватывают весь кетский бассейн и объясачивают волости к востоку и юго-востоку от них вплоть до р. Качи. На следующий год из Москвы отправлен был служилый человек Федор Дьяков „для проведывания мангазейской земли“, так как до правительства дошли слухи о ее богатствах, а также и о том, что торговые люди ведут в этом крае беспошлинную торговлю, ничего не платя в государеву казну. После благополучного возвращения Дьякова с собранным им ясаком в Москву в 1600 г. из Тобольска посылаются кн. Мирон Шаховский и Хрипунов с отрядом в 100 казаков для постройки в Мангазейской земле острога. Однако на пути этот отряд

¹⁾ Острог—это небольшое укрепление с рвом, валом и частоколом из заостренных и поставленных стоймя бревен, обычно с башнями по углам и бойницами для стрельбы из луков и ружей.

подвергся нападению туземцев, был разбит и потерял весь обоз. Такой редкий в Сибири исход экспедиции находит себе объяснение в слухах о том, что нападение было организовано торговавшими в Мангазее русскими промышленниками, которые в постройке острога видели помеху для своей торговли. Однако это дела не остановило: в 1601 г. из Тобольска посылается новый отряд в 200 казаков под начальством кн. Масальского и Пушкина уже при 8 пушках, который дошел благополучно до намеченного места и на берегу р. Таза в 200 верстах от устья его остался в городе Мангазее.

Уже из данного воеводам наказа видно, что и русские в крае были давно. Наказ предписывает переписать всех промышленников и их зимовья и для пресечения беспошлинной торговли на будущее время поставить острог так, чтобы его обойти было никак нельзя.

С постройки Кетского и Мангазейского острогов и отчасти третьего—Томского в 1604 г.—начинается уже систематическое завоевание и заселение Приенисейского края. Обычно воеводы пограничных городов производили разведку лежащих далее к востоку и югу земель и пробовали подчинить их своей власти. При этом между казаками соседних городов часто происходили столкновения при определении границ действия каждого отряда.

Нужно только различать два района освоения края: в северной его половине (приблизительно до широты Красноярска) это завоевание совершалось с поразительно малыми силами. Отдельные дружины казаков или артели вольных промышленников разведывали новые земли или инородческие „волости“, приводили их под „высокую государеву руку“, брали с них ясак (дань) и сообщали об этом воеводе своего города, который записывал новых данников в книгу и смело посылал к ним казаков за данью, а в наиболее важных пунктах строил зимовья (укрепленные избы) или острожки с небольшим постоянным гарнизоном, и дело было готово.

Обычно этих мер бывало вполне достаточно и для первоначального подчинения туземцев, и для обеспечения их покорности в дальнейшем: среди малочисленного и разбросанного по тундре и тайге туземного населения русские держались одним престижем и энергией действий. Правда, многие промышленники не возвращались с промысла, и сами сборщики дани собирали ясак иногда из-за стен зимовья, опасаясь своих данников, но все же восстаний на севере у нас не было, а в случае недоразумений многочисленные артели промышленников всегда готовы были оказать поддержку и агентам правительства, и друг другу.

Но когда с постройкою Красноярска русские дошли до степи, занятой более густым, воинственным и более организованным населением, завоевание пошло уже медленнее и для него потребовались уже не отдельные дружины служилых людей и вольных промышленников, а довольно значительные по тогдашнему сибирскому масштабу силы и правильное руководство со стороны органов власти. Вместе с тем, в местах более южных немедленно после завоевания правительство спешило обеспечить за собою занятую территорию устройством земледельческого населения и с этой целью присылало сюда как добровольных переселенцев из-за Урала или из западно-сибир-

ских уездов, так и разного рода ссыльных, которые здесь приставлялись к военному или земледельческому делу вместо того, чтобы праздно сидеть в тюрьме и причинять государству убытки. Таким образом, понемногу, наряду со служилым населением—казаками, собиралось и мирное население, первоначально группировавшееся вокруг городских укреплений и лишь постепенно отходившее от них все дальше и дальше в глубь уезда.

Переходим теперь к подробностям завоевания и заселения края. В 1601 году построен Мангазейский острог и вскоре становится городом. По мере завоеваний значение Мангазеи увеличивается, а положение на торговом пути придает ему и большое экономическое значение. Поэтому город быстро растет и к 1619 г. имеет уже до 200 домов и 3 церкви.

В 1607 г. мангазейские казаки строят на р. Турухане зимовье и к 1610 г. по Енисею доходят до берегов Ледовитого океана и р. Пясины и объясачивают тамошних тунгусов. В то же время по правым притокам Енисея они устремляются на восток и к 30 годам 17 века прокладывают путь в область якутов по Н. Тунгуске. Движение их на юг по Енисею было остановлено конкуренцией с другими русскими группами, уже успевшими там утвердиться.

Здесь, идя следом за отдельными удальцами, воевода Кетского острога Молчанов вышел на Енисей, дошел до устья Качи и взял ясак с аринов и качинцев. Ввиду значительной ценности вновь объясаченного края и трудности удерживать его из далекого Кетского острога был в 1618 г. построен Маковский острог в верховьях Кети и в том же году из Тобольска были посланы Петр Албычев и Черкас Рукин для постройки Енисейского острога. Здесь природные условия уже допускали занятие земледелием; чем дальше на юг, тем земля была лучше и климат сравнительно мягче, и наряду с авантюристами-промышленниками появляются в крае и землепашцы, снабжающие гарнизоны всех крепостей края продовольствием и этим облегчающие утверждение русской власти и распространение ее далее на восток.

Постройка Енисейского острога укрепила русское владычество в области Енисея, но уже вскоре выяснилось, что одной этой крепости недостаточно. Более южные племена (качинцы и арины), хотя и были объясачены более 10 лет назад, но в то же время подчинялись киргизам, против набегов которых были бессильны. Для удержания этой области в покорности решено было построить новый острог на устье р. Качи, и из Москвы Дубенский был прислан в Тобольск с приказом приступить к постройке. С 300 чел. он весной 1628 г. дошел до назначенного места и здесь на полуострове, образуемом слиянием Енисея и Качи, построил Качинский Крутинский острог, названный вскоре Красным Яром, и остался в нем воеводой.

Жизнь нового острога складывалась нелегкая: не успела еще закончиться постройка укреплений, как уже из минусинских степей явились отряды киргизов, вовсе не желавших уступать своих данников без боя русским, и только после осады Дубенскому удалось отстоять свое положение. Можно, однако, думать, что далеко от Красноярского острога русская власть не простиралась. Правда, в том же

году атаман Ермак Остафьев и урядник Калашников посылались водою на р. Кан объяснить коттов и камасинцев и для удержания их в покорности построили Канское зимовье у араксеевских порогов. Но с наступлением холодов зимовье было оставлено и казаки вернулись в Красный Яр. И всего после годового пребывания Дубенского осталось 93 платных души ясачных, подчиненных Красноярску, в том числе кн. Татуш, давший имя острову под самым городом, остальное же население либо пряталось по-прежнему от всякой власти, либо было угнано киргизами на юг.

С этого времени началась постоянная и нередко ожесточенная борьба русских с киргизами, в которой окружавшие Красный Яр туземные племена оказываются то на той, то на другой стороне. С одной стороны киргизы, как истые кочевники, регулярно продолжали грабить этих туземцев и этим заставляли их держаться теснее союза и дружбы с русскими, с другой, напротив, нередко насилие и произвол русских завоевателей ожесточали их и заставляли поднимать восстание при помощи тех же киргиз. Первые годы эта борьба была настолько упорной, что красноярцы не могли удержать своих пашен вокруг города, и живя только на присылаемое из Енисейска продовольствие, совершенно оскудели и изнемогли. Особенно трудным был 1640 г., когда под начальством князей Ишея и Ижиня соединенные силы киргизов, тубинцев и качинцев разгромили вновь построенные Канский и Мелецкий остроги и вновь осадили и Красноярский. Гарнизон равнялся всего 303 чел., укрепления состояли из деревянных двухстенных срубов с немногими башнями и немногочисленной артиллерией. Однако, опасность эта совпала с общим увеличением русских вооруженных сил в Сибири с 3500 до 5000 ч., Тухачевский разбил туземцев на Чулыме и заставил их снять осаду с Красноярска, а томский воевода Кобыльский разорил их улусы по Енисею. Для предупреждения подобных волнений на будущее время в Приенисейском крае построена была целая линия передовых укреплений: отстроены вновь Мелецкий и Канский остроги, в 1642 г. построен Ачинский острог и в 1643 г., в 200 в. выше Красного Яра по Енисею, заложен Верхний Караульный острог, имевший задачей, как показывает и самое имя, окарауливать „верховых“ инородцев.

Тем временем, за спиною Красноярского острога, шло движение русских на восток. По Н.-Тунгуске пробирались охотники и казаки на Вилую и Лену, в 1628 г. на Ангаре, недалеко от устья построен Рыбинский острог, за которым вскоре последовала постройка Тасеевского и, подвигаясь далее по Ангаре, русские довольно быстро поднялись до устья р. Илима, построили здесь острог и с одной стороны нашли и отсюда дорогу в верховья Лены, с другой—дошли до Байкала и в 1651 г. основали Иркутское зимовье.

А вслед за этим, под руководством, по-прежнему, из Енисейска началось подчинение и забайкальских народцев, и Енисейск на некоторое время сделался центром управления всеми восточными областями от Байкала до Ледовитого океана, пока в 1640 г. не обособился Якутское воеводство и в 1682 г. не отделился Иркутск, сделавшийся в 1661 г. острогом, а затем и городом и перенявший от Енисейска управление забайкальскими „землищами“.

В то же время совершалось движение в пределы края и из Томска. Оттуда посылались отряды для постройки острогов по Чулыму, оттуда же были объясачены и степные инородцы-тубинцы, моторы и др. Но после усмирения движения 1640—42 г. красноярцы заявили протест против вмешательства томичей, ссылаясь на свои заслуги, и добились признания за ними права на собиране ясака со всех ясачников, живущих в верховьях Енисея.

После этого как будто бы на южной границе наступает затишье, и красноярцы пользуются этим для расширения своего влияния на востоке, где подчиняется прочно канский район, и в защиту от бурят ставится Нижне-Удинский острог (1647 г.). Продвинувшись дальше помешали им енисейские казаки, расширявшие свою область по Ангаре и ее притокам. После нескольких стычек енисейцы взяли верх, и размеры Красноярского уезда определились приблизительно так: на западе на полдороге между Ачинском и Красноярском, на севере до Казачинского порога и до водораздела Тасеевой и Кана и на востоке до р. Уды. На юге определенной границы не было, если не считать названной выше оборонительной линии.

Однако затишье было только временным. Одновременный напор русских на минусинские племена с севера из Красноярска и с запада из Томска и Кузнецка вызвал среди киргизов реакцию. Перед угрозой подчинения чужой власти, они, привыкшие до сих пор сами подчинять себе других, объединились и под предводительством кн. Иренака повели войну систематически, опираясь на помощь калмыков. Из года в год они делают набеги на Канский и Удинский остроги и на красноярский уезд вплоть до самого Красноярска, который несколько раз ими осаждался, хотя всегда безуспешно. При этом выжигались пашни и запасы сена и уничтожались поселения в очевидном расчете выжить русских если не прямою силой, так голодом. Нередко они проникали даже дальше на север до с. Бельского и грозили Енисейску, что вызвало в Енисейске опасения и побудило основать вторую линию укреплений в лице Бельского острога и острога Казачьего луга. Но вся тяжесть борьбы с калмыками и киргизами пала на Красноярск и Кузнецк*). При малочисленности русского гарнизона обоих городов и слабости русской колонизации южных уездов борьба эта, конечно, была очень тяжелой и требовала от передовых бойцов страшного напряжения. Было даже время, когда Иренаку удалось остановить русское продвижение на юг. Однако, в 80-х годах, борьба возобновилась, но уже с иным ходом дел. Затем выработалась новая тактика действовать против киргиз одновременно и с севера енисейским, красноярским и томским отрядами, и с юго-запада набегом на тыл киргизов из Кузнецка, и наконец, была применена уже с Ивана Грозного испытанная против крымских татар система обороны в форме рассылки вдоль границы небольших казачьих отрядов на постоянную разведку с условными сигналами дымом или огнем и устройством в тайге на тропах непроходимых заграждений (засек). Между тем усиление русских совпало с началом столкновений между китайцами и калмыками, и калмыки, чтобы иметь в этих столкновениях безопасный

*) Подробности этой драматической борьбы см. Козьмин «Кн. Иренак» („Сибирские Записки" 1916 г., № 1) и его же «Хакассы».

тыл, должны были дорожить мирными отношениями с русскими и не развивать военных действий на своих северных границах. В результате в начале 18 в. русские сборщики не нашли в минусинских степях населения, и оказалось, что калмыки вывели на запад лучших киргизских людей—т. е. киргизскую аристократию и в степях образовалась пустота, на которую и поспешили перейти бывшие данники киргиз и другие племена.

Так окончилась борьба за земли по Енисею и в крае наступила тишина.

Теперь обращаемся к изучению внутренней жизни края в период завоевания. В течение всего 17 века наш край подчинялся общему руководству тобольского воеводы.

Управление. Однако власть старшего города признавалась только в особо важных делах, как напр., в сношениях с иностранными государствами, в вопросах войны и мира и иногда в вопросах обороны, в большинстве же дел, собственно и составлявших сущность воеводского управления, каждый городской воевода был вполне самостоятелен и в виду дальности расстояния от царя с его Боярскою Думой и приказами действовал, как говорили тогда, „высмотря по делу, как ему бог на душу положит“, никем и ничем не стесняемый.

Такие самостоятельные воеводы находились во всех трех городах края: Мангазее, Енисейске и Красноярске. Таким образом весь край вплоть до Саянских гор делился на три уезда, а причулымский район с Ачинским и Мелецким острогами подчинялся Томску. Правда, южная часть Красноярского уезда не вся и не в полной мере признавала над собой русскую власть, но в конце концов присоединение ее все-таки состоялось.

Население. Населена страна была чрезвычайно редко и в половине 17 в., напр., в Мангазейском уезде туземного населения было от полутора до трех тысяч семей. Не менее этого должно было быть в Енисейском и около 2000 семей в Красноярском, а всего 6—7000 семей туземцев. Русского населения было еще меньше. В начале столетия оно сосредоточивалось на севере, богатом пушной, но по мере оскудения промысловых богатств севера стало передвигаться на восток и юг. В 1643 г. в Мангазейском уезде русского населения было постоянного 94 человека (м. п.) и не менее 1000 чел. вольных промышленников, бродивших по краю в расчетах на добычу, но не заводивших здесь хозяйства. В Енисейске гарнизон, незначительный в начале, был потом увеличен до 300 чел., большая часть которых была впрочем всегда в дальних командировках на востоке, и к концу столетия для обороны края можно было уже привлечь до 1000 чел. гражданского населения. Считаясь с тем, что енисейский уезд был житницей всей Сибири и поражал своей населенностью путешественников, и дополняя, что Енисейск в то время был в Сибири крупнейшим центром торговли и судоходства, русское население енисейского уезда к концу 17 в. можно принять не менее 2000 семей. В пограничном Красноярском уезде наряду с гарнизоном крепости (300 казаков в 1628 и 350 в 1652 г.), конечно, мирных жителей должно было быть меньше, но и там их было в 1652 г. 250 чел. Всего в крае

таким образом к концу 17 в. могло быть русского населения не более 3000 семей, или 15—18 тысяч чел. По сравнению с численностью туземцев все же это давало в южных уездах довольно значительный процент, и это может нам объяснить, почему енисейцы всегда считались в Сибири группой, наиболее сохранившею русский тип, и не поддались в большой степени ассимиляции с туземцами подобно более восточным и также более западным колонистам.

Это был элемент чрезвычайно ценный в колонизационном отношении: выходцы главным образом архангельского и вологодского севера, они не были только земледельцами, и потому прекрасно приспособились к жизни в условиях нашего края, как превосходные охотники, рыбаки и при случае мореходы. Закаленные в борьбе с суровой природой своей прежней родины, они и здесь не боялись ни расстояний, ни безлюдной тундры и тайги, ни диких и подчас коварных туземцев и устраивались на новых местах, используя самые разнообразные местные ресурсы и ухитряясь заниматься земледелием даже там, где сейчас о земледелии и не говорят, как напр., в Дубчесской слободе (ныне с. Ворогово). Именно их энергией и трудами использованы были с самого начала пушные и рыбные богатства севера, а затем в Енисейском районе и южнее развито земледелие. Их настойчивость и работоспособность перешли и к потомству. И еще одна черта северного населения сохранилась и развилась в местных условиях—это привычка рассчитывать прежде всего на свои силы.

Значительных общественных различий в это время мы не находим: основными делениями были население служилое и население платившее налоги. Однако, служилые люди (казаки и др.) не только служили, но и занимались всякого рода промыслами и почти обязательно занимались в значительных размерах и сельским хозяйством, а промысловое и торговое население не только промышляло или торговало, но и выполняло ряд административных обязанностей по сбору казенных доходов, да и все гражданское население временами привлекалось к охране территории и к военному делу.

В составе служилых людей мы совершенно не находим родовитых людей, как в центре государства. Здесь есть только казаки конные и пешие, „прибранные“ из охочих людей приуральского и придвинского края или из ссыльных военнопленных литовцев, „немцев“ и „черкас“ да служилых татар. В среде этого класса есть подразделение только на старожилов, уже крепко связанных с данным городом давностью службы, рождением и родственными связями, и новоприсыльных, не имевших таких связей и обычно группировавшихся вокруг воеводы.

Так же делилось и торговопромышленное население с тою лишь разницей, что здесь местное население состояло из мелких промышленников и торговцев, а крупные капиталы принадлежали представителям российских и в том числе московских фирм. Духовенство в сибирских городах вообще было очень немногочисленно и невлиятельно, так как наиболее энергичные и честолюбивые люди не считали духовную карьеру для себя соблазнительной и выбор лиц для замещения духовных должностей был крайне ограничен. Поэтому священники далеко не всегда были хорошо грамотны и не превосходили

прихожан ни развитием, ни образованием. Крестьяне занимались сельским хозяйством и разного рода промыслами и представляли к концу столетия основной в хозяйственном отношении элемент края. Кроме своей или взятой от служилого человека пашни они обязательно еще пахали т. назыв. „государеву пашню“, доход с которой уходил в казенные амбары на содержание служилых воинских людей. Наконец группа гулящих людей представляла совокупность лиц без определенных занятий, искавших в Сибири своей „судьбы“ и попутно бравшихся за всякое дело или живших вовсе без дела. Гулящие люди то скоплялись сотнями в одном городе, то совершенно исчезали и представляли самый непостоянный, текучий элемент в обществе.

В общей массе общества руководящее влияние принадлежало людям служилым. Сроднившиеся с данным городом и между собою, они представляли большую силу, с которой приходилось считаться даже воеводам. Енисейским воеводам неоднократно приходилось опасаться своих помощников, а в Красноярском остроге в 1695—1699 г. вся власть находилась в руках выборных властей, которые после упорной борьбы добились удаления одного за другим трех неугодных им воевод, а после разбора дела и осуждения воевод на 7-летнюю ссылку в Иркутск красноярцы получили для руководителей и участников мятежа амнистию и возвращение в родной город. Вот эта-то сплоченность служилой группы и ее способность к сопротивлению и представляли основное препятствие для развития самоуправления воевод, так как столкнувшийся с городом воевода становился беззащитен перед своими противниками и рисковал быть не только избитым, но и утопленным, примеры чего есть в истории Красноярского и Енисейского острогов.

Рядом с русским населением, несколько ниже стояли инородцы. Культурное превосходство сделало русских хозяевами завоеванного края. Конечно, оно продолжало сказываться и в дальнейших отношениях и русские всегда считали инородцев ниже себя, но в то же время для них всегда был открыт путь для вступления в число служилых людей в разряд „служилых татар“, где они пользовались одинаковыми правами с русскими. С другой стороны инородцы, оставшиеся в положении „ясачных людей“ или данников московского правительства, в своих внутренних делах оставались подчиненными власти своих собственных племенных или родовых начальников. Заинтересованное в аккуратном поступлении ясака, правительство заботливо ограждало охотничьи районы ясачников от вторжения как вольных русских охотников, так и особенно от русской земледельческой колонизации, которая вела за собою сокращение лесной площади и опустошительные лесные пожары. В тех же целях защиты ясачников и строго предписывалось воеводам немедленно разбирать все жалобы инородцев на русских и наоборот не мирволить русским в их жалобах на инородцев. Конечно, в небогатой сознанием права атмосфере 17 в. и сами представители власти, и отдельные ловкачи из состава служилого класса и просто гулящих людей часто позволяли себе насилия и обиды по отношению к инородцам, но не оставались в долгу и последние, а знали свои права и очень хорошо умели жаловаться в Москву. Поэтому об особом их утеснении говорить, пожалуй, и не

следует*), а усвоение инородцами русского быта показывает, что враждебности по отношению к русским у инородцев не наблюдалось.

Занятия населения. Прежде всего нужно различать занятия туземного и пришлого русского населения. Первое очень мало изменило свою повседневную жизнь за сто лет, занимаясь на севере оленеводством и рыбной ловлей и охотой, в тайге—теми же промыслами только в иной комбинации и ближе к югу—разведением скота и примитивным земледелием. Наконец, в степях господствовало скотоводство в табунной форме, с преобладанием лошадей и овец. Русское влияние на хозяйство туземцев могло сказаться лишь в некоторых успехах земледелия рядом с русскими хозяйствами и в развитии выгодности скотоводства, получившего в русских городах новый рынок для сбыта лошадей и рогатого скота.

Больше изменений произошло в хозяйственной жизни русской группы. Во первых, здесь сказалась уже разница между естественными районами, в которых в разные периоды скучивалась большая часть русского населения. В начале оно преимущественно интересовалось севером с его пушными и отчасти рыбными богатствами и группировалась вокруг Мангазеи, и здесь господствовало промысловое хозяйство и охота играла громадную роль, давая массу ценных продуктов на вывоз и привлекая большие капиталы. Только на юге Туруханского края зародилось земледелие. Однако, в дальнейшем охотники стали сдвигаться на юг, где добыча соболя приняла еще большие размеры и где в то же время были несравненно более благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Поэтому наряду с развитием здесь охотничьего промысла в больших размерах и важную роль охоты в каждом хозяйстве, как наблюдается и сейчас во многих местах Приангарья, южнее стало развиваться и земледелие, имевшее большую важность в вопросе продовольствования завоевавшего и державшего край в подчинении служилого населения. При обилии земель и необходимости раскорчевывать пашни из-под леса, русские земледельческие поселки были разбросаны по тайге и по берегам рек одинокими заимками-однодворками, много в составе 2—3 дворов и только изредка встречались слободы по 10—15 и более дворов. Центром такой земледельческой колонизации оказался Енисейск, и здесь она достигала особенной по Сибири напряженности, так что в 1673 году Спафарий, проезжавший по Сибири, отметил густоту здешнего населения и обилие сельско-хозяйственных поселков, считая, что вокруг имеется до 500 деревень.

К концу столетия в районе Енисейска и далее на юг сельское хозяйство уже, повидимому, одержало верх над всеми другими промыслами и сделалось основным источником существования местного населения. Енисейск был главной житницей для всех районов, расположенных далее к востоку и югу. Впрочем область земледельческой колонизации за немногими исключениями не распространялась на юг дальше Тасеевского и Красноярского острогов, да даже и в

*) См. примеры насилий туземцев над русскими у Будицкого „Мангазея“, 31, 13, 63 и Огородникова „Ист. Сибири“ в. 2-й, о мирных отношениях с русскими—Будицкий 61 и 34, таково же мнение и Радлова.

этих пределах многие поселки отдавали земледелию только небольшую часть времени в виду большей выгодности промыслов.

Промышленность обрабатывающая была развита слабо и по преимуществу вокруг Енисейска, где процветала обработка железной руды кустарным способом, горное дело сводилось к добычанию соли из различных ключей по Тасевой (Усолке) и Тунгускам и разведкам ценных ископаемых. Большие размеры имела торговля, особенно пушной, но она почти исключительно сосредоточивалась в городах Мангазее и Енисейске.

В общем в материальном отношении население к концу столетия было обеспечено достаточно—и городское, и сельское, и даже петровская эпоха, тяжело отразившаяся на хозяйстве России Европейской и приведшая там к уменьшению населения, здесь имела наоборот благоприятное влияние, создавая усиленный приток населения из за Урала и этим способствуя развитию экономической жизни.

Культурный уровень. Несколько менее определенны наши сведения о культурном уровне местного общества. Не знаем, были ли школы в пределах Приенисейского края, но думаем, что в своей массе русское население края вполне соответствовало населению архангельского севера и даже, может быть, его превосходило, потому что естественный отбор более сильных в Сибири происходил в более суровых условиях. Уже Катанаев отмечал высокий уровень грамотности и общего развития среди сибирских казаков, постоянно представлявших письменные отчеты и даже с картами. То же должно было быть и позднее. Во всяком случае, если мы находим много рассказов о суевериях среди местных жителей в книге акад. Гмелина (1739 г.), то тот же Гмелин говорит нам и о приятном обществе енисейских купцов, среди которых этот видный ученый целую зиму не чувствовал себя человеком совершенно чуждого мира, и о помощи в ботанических и метеорологических наблюдениях, которую оказывали ему казаки и другие простолюдины.

18-е столетие. В 18 веке территория края значительно увеличилась с замирением киргизов. Исчезновение киргизских князей с частью их народа освободило русских от надоедливого и часто опасного врага и позволило им выдвинуться дальше на юг. В 1707 году ставится Абаканский острог с гарнизоном в 400 чел., в 1709 году—Саянский еще на 120 верст южнее. После этого вся область до Саянских гор подчинилась русским и уже без споров, и в нынешнем Минусинском крае водворилась полная безопасность. В 1727 году была проведена граница с Китаем и учреждены три пограничных караула из ясачных Нижнеудинского, Красноярского и Кузнецкого ведомств. Вероятно, с половины 18 века возникли казачьи форпосты: Таштыпский, Арбатский на Абакане, Шадатский на Амыле и Кебежский на р. Ое, когда калмыцкое царство пало и весь абаканский район перешел уже целиком под власть русских и был зачислен в Кузнецкий уезд, так как именно в Кузнецке сосредоточивалось руководство обороной на восточно-калмыцкой границе.

Прежнее хроническое военное положение теперь кончилось, и хотя временами еще приходили пугающие слухи о предстоящих на-

падениях калмыков, но действительной опасности уже не было и в 30-х годах гарнизон Саянского острога был уменьшен до 50 человек, да и те не несли караулов и даже почти не жили в остроге. Сокращен был и гарнизон Абаканского острога. За полную ненадобностью военных мероприятий, с падением калмыцкого государства, укрепления всего южного района вплоть до Красноярска уже более не ремонтировались и постепенно разрушались и исчезали, и в 1773 году сгорела и Красноярская крепость. Край перешел на мирное положение. Тем более не слышно ничего о военных действиях или восстаниях на севере.

Управление. В административном отношении в 18 веке край пережил ряд больших изменений. До образования Сибирской губернии край делился на уезды, с ее учреждением открылась Енисейская провинция, в состав которой вошло все течение р. Енисея, земли к востоку до р. Уды и Нижнеудинского острога и на западе города: Кузнецк, Томск, Кетск и Нарым с их уездами и всем верхним и средним течением Оби. Енисейск сделался административным центром всей средней Сибири, правда, ненадолго, так как в 1722 году приобские города были изъяты из ведения енисейской провинциальной канцелярии. Так дело обстояло до общей губернской реформы, когда в 1782 году Красноярский уезд вошел в состав Колывано-Воскресенской губернии и составил одно целое с Алтаем; из земель, лежавших к северу и северо-западу от Красноярска, был образован новый Ачинский уезд, с возведением с. Ачинского в чин города и вместе с Туруханским и Енисейским уездами отошел к губернии Тобольской, и земли к востоку от Кана причислены были к Иркутской губернии. Однако, в 1797 году Колывано-Воскресенская губерния была уничтожена, Ачинский уезд присоединен к Красноярскому и весь Енисейский край вошел в состав Тобольской губернии, делясь на три прежних уезда. Еще через 8 лет край был перечислен во вновь открытую губернию Томскую и, наконец, при Сперанском из всех земель, лежащих вдоль р. Енисея, была образована, в согласии с природными и хозяйственными условиями того времени, самостоятельная Енисейская губерния с центром в Красноярске и с присоединением земель по Абакану и Чулыму на западе и по Кану и до Бирюсы на востоке. И это последнее просуществовало сто лет подряд.

Население. К началу 18 века в Приенисейском крае было уже довольно значительное население. По преуменьшенным данным переписи 1719 года, податного русского населения насчитывалось в Мангазейском уезде—174 семьи, в Енисейском—1406 и в Красноярском—927, а всего 2517 семей, или 15—20 тысяч человек.

К ним надо прибавить казаков и других служилых людей, приблизительно, 800 семей, или около 5000 чел. О количестве туземцев в начале столетия данных у нас нет. При этом русское население, преимущественно земледельческое, группировалось вокруг Енисейска, север был населен чрезвычайно редко, а к югу от Красноярска начинались почти сплошные поселения инородцев-кочевников, скотоводов и охотников.

В 1766 г. по табели губерний в крае значилось 26320 душ мужского пола во всех трех уездах, в 1771 г.—64528 обоего пола и, наконец, в 1819 г., по данным Сперанского, было населения:

	Русских	Инородцев	Всего
В Туруханском уезде . .	1459	5037	6496 об. п.
В Енисейском „ . .	36626	2078	38704 „
В Красноярском „ . .	76539	14287	90826 „
Итого . .	114624	21402	136026 „

Таким образом, население возрастало довольно быстро, и здесь надо отметить два явления: общий рост населения, во-первых, и перераспределение его по территории, во-вторых. Мы знаем, что этот рост развивался как благодаря перевесу рождаемости над смертностью (кроме севера), так и вследствие постоянного притока переселенцев из Европейской России, чрезвычайно сильного в эпоху петровских реформ, но сохранявшего значение и после, так как богатая и малонаселенная страна, почти не знавшая вдобавок крепостного права, всегда укрывала беглецов из-за Урала. Это один процесс. Второй—движение населения по территории и его перераспределение. Здесь до сих пор не ясно еще многое, так как наша местная история совсем не изучена. Во всяком случае, Туруханский край потерял уже свою былую привлекательность для искателей приключений, когда его пушные богатства оскудели и главная масса авантюристов ушла на восток, в Якутск и Камчатку, а земледельцы сосредоточились вокруг Енисейска. Однако, постепенно начался отлив населения и отсюда еще далее на юг: в район Красноярска, на Чулым, Тубу и верховья Енисея, и во второй половине столетия Красноярский уезд по своей населенности уже вдвое превышал Енисейский. При этом туземное население оставалось преобладающим элементом только на севере, где оно составляло до 90 проц. На крайнем юге туземцы вплоть до Сперанского составляли значительную группу, жившую еще почти сплошную полосою и считавшую в своих рядах до 15 проц. всех жителей Красноярского (в тогдашнем значении) уезда. Но середина края уже представляла страну с преобладанием русского населения и господством русского типа хозяйства, и в районе между Енисейском и Красноярском лучше, чем в других местах Сибири, русское население сохранило свои основные черты.

Но население не только росло количественно, оно все время и расширяло занимаемую им территорию. Еще в 1700 г. южная граница русских поселений не заходила далее Караульного острога, тогда действительно имевшего значение „острога“, крепости, и на карте Ремезова к югу от Красноярска значится только деревня Атаманова (находилась между Базаихой и Овсянкой) и укрепленная Бугачева. Однако замирение минусинских степей и превосходство южных почв и климата вызвало большой сдвиг на юг пригородных качинских татар и других племен, которые, уходя в течение первой половины 18 в. из окрестностей Красноярска, постепенно заняли все минусинские степи и поселились здесь попеременно с остатками киргизских и калмыцких данников.

В интересах сохранения получаемого от них ясака правительство, как и в 17 в., старательно охраняло занимаемые ими земли от нашествия русских переселенцев с севера, промышленников и земледельцев, и выселяло тех, кто селился самовольно. Однако это могло только задержать русскую колонизацию богатого края, но отнюдь не останавливало ее, и уже к 1721 г. к югу от Тубы оказалось много русских, привлеченных сюда богатствами минусинских могильников и специально промышлявших ограблением содержавших золото курганов. Затем на Тубе основалась первая на юге земледельческая деревня Шалаболина и между нею и Красноярском протянулся вдоль Енисея целый ряд деревень и сел, которых Гмелин в 1739 г. насчитывает свыше 20. Постепенно число русских поселений возрастало, и в 1785 г. по Енисею и его притокам на юг от Красноярска значилось по церковным данным 9 приходов *) с 4536 душ м. п. За этот же период значительное население выдвинулось и в район к югу от Ачинска, где Гмелин ранее на своем пути почти не нашел русского населения, тогда как в 1785 г. мы находим и здесь семь приходов с 7790 православных м. п. (Балахта, Подсосное, Бараит, Назарово, Боготол, Ужур и Аскыз). Усилилось и заселение центра Канского района, ранее занятого почти одними туземцами (ассанами, карагасами и др.) и таким образом центр населенности определенно сдвигался к югу, пока средоточием всего русского населения не оказался Красноярск. А вместе с этим укреплялось русское влияние на туземцев и крепла ассимиляция туземцев с русскими.

Обратное явление происходило на севере. Вокруг Енисейска население продолжало увеличиваться путем естественного прироста и путем приселения бежавших из России элементов, но рост этот шел несравненно медленнее, чем на юге. Даже напротив отсюда установилось значительное и сильное течение эмиграционное на юг, в Бийск, Красноярск и в ачинские и минусинские степи. Вполне понятно, что превосходство южных районов в земледельческом отношении уже тянуло на юг земледельцев, а постепенное развитие более южной и более короткой торговой дороги Томск—Красноярск—Иркутск подрывало и торговое значение Енисейска и всего приангарского водного пути и лишало заработка жителей, связанных с ним.

Наконец на дальнем севере, в низовьях Енисея, и в районе г. Мангазеи, развивалась колонизация совершенно иного типа. Как мы видели, туземное население было здесь очень немногочисленно и неспособно противостоять русскому натиску, а суровые природные условия позволяли развиваться здесь только промысловому хозяйству. С роспуском в первой половине века за ненадобностью большей части мангазейского гарнизона казаки устремились в низовья реки и, занявшись рыбным и дельфиньим промыслами, построили большое число зимовий вдоль залива и выше. Но основным промыслом все же являлась охота на пушного зверя, и уже тогда песцовые меха заняли первое место в вывозе мангазейского края.

Стихийно совершавшееся заселение края сопровождалось и некоторым начальственным действием, а именно образованием москов-

Курагино, Лугавский и Ирбинский казенные заводы, Минусинское, Абаканск, Янаш, Езагаш, Новоселово, В. Караульный острог.

КРАСНОЯРСКАЯ
КРАЕВАЯ
БИБЛИОТЕКА

40562

ского тракта по линии Томск—Красноярск—Иркутск в половине столетия и конце его и тракта от Енисейска до Туруханска, проведенного в первое десятилетие 19 века томским губернатором Хвостовым, причем в обоих случаях колонизация велась путем принудительного поселения ссыльных.

В общем, однако, край все еще оставался мало и редко населенным. При средней плотности даже южных районов менее 1 человека на кв. версту поселений было мало и сами поселения были невелики: из изученных нами 134 поселений половина имела в 1785 г. от 1 до 20 дворов и только три насчитывали более 500 чел., причем самое большое имело 826 чел.

Народное хозяйство. Еще в 17 веке наблюдатели отмечали зажиточность местного населения и ясно, что с движением населения в земли еще более одаренные, благосостояние должно было подняться. Но при этом совершалась перемена внутри хозяйства: господство промыслов если и сохраняется, то уже только на севере или по окраинам занятой русскими территории, и на первое место определено вышло сельское хозяйство как занятие преобладающей массы населения. А вместе с этим, несмотря на общее развитие края, уменьшается значение торговли и роль городов. В этот же период делается первая серьезная попытка развить горное дело в нашем крае, хотя эта попытка, несмотря на громадные природные богатства, закончилась полною неудачей.

Таким образом край развивался преимущественно в сельско-хозяйственном направлении. Нужно только различать земли старого занятия и занимаемые вновь. На первых население уже очистило и приспособило под земледельческую культуру достаточное количество пашен и, опираясь на этот постоянный основной капитал, жило сытно и богато. Это отмечают и путешественники, это доказывается старинными одедами, постройками и другими остатками материальной культуры, но там, где на окраинах новоселы еще только ставили свое хозяйство и старались приспособиться—и часто неудачно—к капризным природным условиям нашего края, им приходилось переносить большие лишения. Во всяком случае с умножением населения площадь пашен и количество собираемых продуктов увеличивались, и Красноярский уезд стал житницей целого края. При высоких урожаях (по Палласу рожь сам—8, пшеница—12—20, овес—20—24, ярица—12 и пр.) хлебные избытки были значительны, так что цена на ржаную муку доходила в 1771 г. до 2—3 коп. за пуд и до 5—6 только в дорогое время, пшеничная была 4—5 коп. и т. д. Даже в 1820 г. за пуд муки платили 10—12 коп. ассигнациями. При таких ценах, конечно, крестьянское хозяйство становилось, несмотря на обилие хлеба, невыгодным, и, чтобы сделать его более доходным в интересах казны, в крае были основаны казенные винокуренные заводы Боготольский и Каменский. Очень много было у населения и скота всякого рода, особенно в южной половине, где малоснежные зимы позволяли держать скот круглый год на подножном корму. Что же касается южных туземцев, то у степных племен скотоводство составляло основной источник существования и имело очень широкие размеры, так что даже бедняки имели до 10—20 голов крупного скота, не считая овец, бо-

гачи же имели сотни и тысячи одних лошадей помимо прочего скота, а лесные группы жили по-прежнему охотой, хотя этот промысел по-немногу приходил в упадок.

Еще в начале 18 века из бассейна Енисея вывозилось громадное количество мехов, по преимуществу соболиных. В 1697 году только в казну поступило 4400 собелей и 1400 лисиц, не говоря о других мехах. В 1735—40 годах соболя шли на продажу большими партиями и хорошего качества и только в казну меха поступали не сполна и часто заменялись денежными компенсациями. Сбыт их был обеспечен и на запад, на Ирбитскую ярмарку и в столицы, и на восток в Кяхту и Китай. При господстве частной торговли мы не можем знать оборотов пушного промысла, но, несомненно, они были громадны, и только к концу 18 столетия соболь уже стал встречаться реже и на первое место выступает добыча песка и белки. Много добывалось и бобра (в 1697 г. 109 шт. сдано в казну почти исключительно в южном районе). Надо помнить, что охота имела значение основного источника существования не только у многих туземцев, но и для значительной части русского населения и что она помимо мехов—товара давала населению и питательные продукты.

О рыболовстве на севере мы уже говорили. Размеры его были видимо значительны и продукты его поднимались вверх по реке до Енисейска и выше.

Промышленность при малой плотности населения была развита очень слабо. Около Енисейска работали кустари по обработке железной руды и их изделиями снабжалась вплоть до 30-х годов 19 в. вся средняя Сибирь до Иркутска на восток и до Семипалатинска на запад. Кроме того, были казенные заводы Ирбинский железодельный в Минусинском крае и другой к северу от Канска, а в Езагаше частный железодельный же купца Власьева. На Лугавском заводе плавилась медь. Заводы эти потребовали много затрат как со стороны казны на их оборудование, так и со стороны местного крестьянского населения, принужденного на них работать и поставлять различные материалы, приезжая для работ за несколько сот верст по очереди. Однако результаты работ были невелики: за отсутствием технических знаний, а главное достаточного рынка для сбыта, все эти заводы не окупили затрат и один за другим закрылись, можно думать, к большой радости приписанных к ним для работы государственных крестьян.

Из других отраслей нужно отметить только два небольших монастырских солеваренных завода около Тасеевского острога, бумажную фабрику около Ачинска, винокуренные заводы, и в Красноярске и Енисейске мелкие заводики кожевенные, салотопенные и мыловаренные, работавшие исключительно для местного рынка.

В общем хозяйство края отличалось чрезвычайной примитивностью. Тем не менее размеры торговли были велики, и меховые ярмарки Енисейска и Мангазеи долго гремели по всей Сибири. В этой области основное значение имела торговля на вывоз. Основным предметом вывоза служила пушнина, стягивавшаяся по Енисею и его притокам к Енисейску и отсюда направлявшаяся на запад и восток. Вторым важным товаром был хлеб, шедший главным образом на

запад, по Чулыму от Ачинска, для продовольствия обского района, и от Енисейска по Кети—на кузнецкую и иртышскую линии, о чем упоминают указы 1767 г. Третьим родом грузов были местные железные изделия. Большое значение имели и транзитные пути, которыми Восточная Сибирь и Китай сообщались с центрами России Европейской. Эта торговля привлекала большие капиталы и требовала много рабочих рук, и влияние ее на край должно быть отмечено. Первоначально она шла почти сплошь водою по пути Кеть—волок—Кемь—Енисей и Ангара (вверх бичевою или на парусах, вниз сплавом), но с начала столетия трудности подъема Ангараю против течения и опасности плавания в порогах заставили торговых людей искать более легкой и короткой дороги. Такая дорога и была найдена от Красноярска на Нижнеудинск, а затем и на запад от Красноярска стали ездить, также минуя Енисейск, прямо на Ачинское и Боготол. Этим путем и пошли в дальнейшем все сравнительно легкие и ценные товары, создавая крупное гужевое движение, и к концу столетия на Ангаре оставался почти один сплав нерчинского свинца. Когда же правительство провело через Красноярск большой сибирский тракт, это окончательно закрепило перемещение центров хозяйственной жизни и сказалось на роли городов.

Основным торговым центром края в продолжение всего 18 в. был Енисейск, как более крупный, богатый и благоустроенный город всей Сибири. Обязанный своим значением положению на скрещении различных водных путей на все четыре страны горнизонта, он представлял важный перегрузочный пункт, и на его ярмарке встречались товары и „русские“ (мануфактура, изделия, вина, сахар и пр.), и китайские (чай, шелковые и бумажные материи, леденцы) и сибирские (меха, кожи, сало и пр.).

Среди енисейского населения выделилась группа купечества, многочисленная и влиятельная в сибирской торговле, и, конечно, не случайно поэтому было, что по числу жителей Енисейск во 2-й половине 18 в. занимал одно из первых мест во всем государстве и первое в Сибири и что первый в Сибири каменный дом появился именно здесь. Однако, к концу столетия развитие ирбитской ярмарки и упадок кяхтинской торговли, а самое главное развитие нового, южного торгового пути, оставлявшего Енисейск в стороне, лишили его прежнего значения и способствовали упадку или эмиграции нажитых ранее капиталов. Уже Степанов (1823—30) нашел в Енисейске только остатки прежнего величия, город продолжал еще быть многолюдным, а в дальнейшем о минувшем богатстве города свидетельствовали только не по сибирски многочисленные церкви, построенные на средства его богатого ранее населения.

Мангазея, по выражению Гмелина, самый северный в Сибири город, в 18 в. уже находился в упадке. Расположенный на протоке Енисея при впадении р. Турухана город занимал немного места, и всех домов было не более 100. Только „около Петрова дня“ город оживал, с разных сторон приходили охотники с пушниной и другою добычей, а с юга из Енисейска приезжали русские купцы и начиналась ярмарка, причем большая часть сделок совершалась погихоньку и в ночное время.

Третий город приенисейского края—Красноярск в отличие от двух первых, хотя и медленно, но развивался по мере колонизации юга и развития там сельского хозяйства. Сельскохозяйственные интересы господствовали и в самом городе и только в половине столетия стало складываться здесь местное и то не особенно многочисленное купечество. Даже во второй половине столетия, по словам Словцова, городские классы были мало связаны с городом. При крайней дешевизне хлеба жить одним земледелием вокруг города было невозможно: „один выгодный промен хлеба на выдр и бобров, на правом берегу Енисея промышляемых, инородцами, также вымен лисьих и росо-машьих шкур и их перепродажа поддерживали хлебопашество до заведения винокуренных заводов... и красноярские посадские предпочитали жить в уезде, а не в городе. Пашня близь своего огорода и удобное пастбище для скота, посев табаку, также может быть корчемство и выгодное знакомство с татарами-звероловами,“ все это способствовало переселению горожан в уезд.

То же господство сельскохозяйственных интересов сохранилось и позднее и не крупное купечество держалось только торговлей с минусинскими туземцами и позднее—с китайцами.

Поэтому город был мало населен: в 1735 г. 350 дворов, в 1771 г. почти столько же, в 1785 г. по нашим подсчетам—388 и в 1821 г.—571, а число жителей не превышало в 80-х годах 2500 человек и в 1821 году—3049 чел.

Все прочие поселения края были невелики и для края большого значения не имели, так как внутренняя торговля была не развита. Она велась преимущественно вдоль Енисея, по которому на плотках и лодках сплавлялись в Красноярск, Енисейск и расположенные ниже поселения хлеб и др. продукты сельского хозяйства. В остальных местностях сообщение было крайне затруднительно и кое-где не было ни дорог, ни даже колесных экипажей, как, например, в 1740 году в Тасеевой.

Общественный строй. Таким образом населения городского или промышленного типа было немного, и строение общества должно было быть несложным. Основную массу населения составляли крестьяне, делившиеся на частновладельческих и государственных. До секуляризации церковных имуществ главными душевладельцами были 5 монастырей, имевших в 1744 г. 1394 „души“, но в 1768 г. все их владения были отобраны в казну. Из частных помещиков есть сведения о Самойлове, владевшем большою заимкою к северу от Канска (ныне с. Рождественское), и „российском дворянине“ Суханове, владевшем частью д. Бартат со 108 ч. крестьян и дворовых в 1785 г. Были крепостные на заводах (Боготольском—187, Ирбинском—34 и т. д.) Однако общее число крепостных в крае было невелико (в Красноярском и Ачинском округах в 1785 г. около 400 чел.) и, повидимому, если и увеличивалось, то очень медленно, составляя совершенно ничтожный процент всего населения. Была незначительна и группа дворовых, связанных с городами местопребыванием их господ: в 1785 году мы находим в Красноярске их 56 человек обоего пола у 7 владельцев.

Поэтому вся масса крестьянства принадлежала к государственным крестьянам, лично свободным, но исполнявшим ряд общих повинностей. В 18 веке при крайней разбросанности населения и неограниченном земельном просторе здесь сложилась своеобразная земельная община, не ограничивавшая деятельности входящих в ее состав отдельных хозяев и выполнявшая преимущественно административно-судебные функции, под руководством и наблюдением уездной полиции. При неограниченной свободе хозяйственной деятельности, естественно, выдвигались наиболее зажиточные крестьяне и, располагая большими средствами, вели крупное хозяйство, пользуясь силами закабаленных ими должников, особенно из состава не успевших прочно устроиться переселенцев или ссыльных. Кабала эта бывала чрезвычайно прочною, и только не многие, развивая постепенно свою собственную запашку, могли, наконец, выплатить свой долг и выйти на самостоятельное хозяйство.

Особое место занимали ссыльные, число которых возрастало к концу периода. Можно думать, что они группировались преимущественно вдоль сибирского тракта. Положение ссыльных было материально слабое, юридически приниженное, и коренное население избегало брачных союзов с ними, так что единственными подругами их жизни могли быть ссыльные же „женки“ и „девки“.

Довольно значительна была группа казаков. В связи с отсутствием в крае регулярных войск (только во второй половине столетия находим в Красноярске 75 солдат зрелого возраста) охрана границ и внутреннего спокойствия лежала на казаках, группировавшихся вокруг Енисейска, как провинциального центра, и Красноярска, как крепости. В одном Красноярске их было при Гмелине 700 чел. под начальством особого головы, в конце столетия в красноярском уезде их было около 2000, считая с семьями. Они делились по военному и имели сотников, пятидесятников и в городах атаманов, хотя военные качества их были ничтожны.

Считаясь на службе, они выполняли разные обязанности гражданского характера по сбору дани, заведыванию хлебными магазинами, сопровождению хлебных караванов и пр. Почти все они жили в деревнях вместе с крестьянами и занимались сельским хозяйством. К ним близко примыкали „сибирские дворяне“ и „дети боярские“, выслужившиеся служилые люди, преимущественно жившие в городах и наследственно сохранявшие свое звание. Как и казаки, они находились в распоряжении воеводы, но им давались более ответственные поручения.

Городское население составляло небольшой процент соответственно развитию в крае торгово-промышленной жизни, и процент этот обнаруживал даже наклонность к уменьшению. Городское население пользовалось некоторым самоуправлением для заведывания своими делами и выбирало бургомистров, ратманов и пр.

Высшая группа состояла из купцов, господствовавших над остальным посадским населением в силу своего экономического превосходства. Из ее состава выходили руководители городского магистрата и вершители городских дел. Ниже стояла масса посадских, цеховых и ремесленников, в значительной степени связанных с земледелием, а

очень часто переезжавших в уезд и на постоянное жительство и только официально сохранявших связь с городом. На городском населении лежало много повинностей служебного характера, так как вплоть до конца века правительство продолжало смотреть на городское население, как на бесплатных агентов финансового управления и, не стесняясь, ставило их наблюдать за различными казенными сборами или командировало в другие города Сибири.

Духовенство было немногочисленно.

Наконец, высшею группой были крайне малочисленные чиновники. Это были в Енисейске и Красноярске воеводы (позднее коменданты), заседатели уездного и нижнего земского судов, канцеляристы и пр. Жили они скромно, часть их даже прислуги не имела и в строе жизни они, вероятно, не отличались от соседей-купцов и зажиточных мещан.

Духовное развитие. В общем в это время можно говорить только о простой грамотности, хотя любопытно отметить, что грамотность была широко распространена и процент грамотных в документах половины и конца столетия не ниже 20, среди же духовенства почти сплошь грамотность мы находим хорошую а часто и каллиграфию. Даже среди женщин грамотных было много, по свидетельству Степанова для первой трети 19 века.

Школа, более или менее организованная, появляется первоначально при монастырях: так, Н. К. Дуэрбах нашел упоминание о маленькой школе при Туруханском монастыре в 1722 г., такая же должна была быть и при Енисейском. Позднее для духовенства с 1759 г. появляются латино-русские школы в Красноярске, затем и в Енисейске. Позднее они преобразуются в так называемые русские школы, дававшие специальную подготовку, а с начала 19 столетия—в уездные духовные училища, принимавшие и светских учеников. В Енисейске в 1767 г. упоминается частная школа отставного унтер-офицера. С 1780-х годов появляются сведения и о начальных школах, открываемых по настоянию администрации в Енисейске и Красноярске при очень малом желании населения. Это создавало для школ тяжелые условия существования, школы не привлекали симпатии населения, нуждались во всем. Только в 1817 г. в Красноярске открылось казенное уездное училище и в 1818 г. Енисейское начальное училище преобразовано также в уездное.

Очевидно, все эти школы не могли заметно повысить общий культурный уровень. Однако все же в обществе все время встречались отдельные лица с хорошим, по тому времени, образованием и с культурными запросами, как показывают сохранившиеся от 18 века книги. Имеем мы некоторые данные и о местной литературной деятельности. Заметны и большие успехи в области искусства как резьбы по дереву и чеканки по металлу, так и в области живописной: в конце столетия красноярские мастера были известны до Тобольска, и Красноярск гордился художником Хозяиновым, посылавшим свои работы в академию художеств.

Наконец, что касается нравов и обычаев, наши источники расходятся. Гмелин решительно осуждает пьянство и леность сибиряков и их распущенность. Напротив, наблюдатели 19 в. (Словцов, Сперанский

и Степанов) говорят о добрых нравах населения, „которые здесь не редкость“, и отмечают физическую крепость населения, несовместимую с дурными нравами. Можно думать, что по сравнению с 17 в. много изменилось. В 18 в. период легкого захвата еще неиспользованных богатств, период авантюризма уже заканчивался. Словоцов отмечает, что „постепенно в Енисейске лихорадочное движение затихало. Енисейск принимал характер остепенения, в котором отсвечивал образец устюжской... Прибежность к церкви и благороднейшие занятия у жителей были чтение и пение церковное“. В соответствии с этим население обращалось к земледельческому труду и приобретало зажиточность, жизнь становилась спокойнее, а отсюда и нравы должны были стать мягче и чище, и Словоцов с негодованием отвергает нарекания, возводимые на коренных сибиряков: „этот угрюмый и словоохотливый посадский, этот крестьянин с черствым видом носит в себе тайну сострадания к неимущим братьям. Они не проходят равнодушно мимо церкви без слова молитвенного, любили видеть сирого в своем доме и подавали нищему лепту, ломоть у окошка“. В подтверждение этого Сперанский сообщает, что „в Енисейске за последние 6 лет не было ни одного дела о местных обывателях“.

Среди населения много сохранялось обычаев, связанных с праздниками и вывезенных из России, но изо всех обычаев далекой родины шире всех развился общий для всей Сибири и до сих пор обычай гостеприимства и хлебосольства.

Так постепенно с ростом населения развивалось использование природных богатств нашего края: сначала пушнины, затем земли и немного ископаемых. До-русский период мало дал в этом отношении, русские принесли с собою возможности новых успехов и укрепили новую культуру. Но все же к началу 19 века два обстоятельства мешали полному развитию края: одно было недостаток населения, второе—недостаток знаний, и последующему времени осталась задача умножить население страны и дать ему в руки силу знания. Как это делалось в 19 веке, составит предмет изложения следующей книжки.

Библиотека Приенисейского Краеоведа

СПИСОК НАМЕЧЕННЫХ ВЫПУСКОВ:

- № 1. **Смирнов В. А.**—Введение в изучение Приенкряя (понятие „Приенисейский край“, общие условия развития хозяйства в крае и его богатства, изучение края в прошлом и настоящем, библиографический указатель) Ц. 25 к.
- № 2. Геологическое прошлое края.
- № 3. Почвы края.
- № 4. Климат и воды края.
- № 5—9. Географические ландшафты края.
- № 10. **Нуэрбах и Сосновский Г. П.**—Доисторическое прошлое края, ч. 1—Каменный период Ц. 25 к.
- № 11. **Они же.**—Доисторическое прошлое края, ч. 2—Металлический период (подготавливается к печати).
- № 12. **Смирнов В. А.**—Исторический очерк Приенкряя, ч. 1—Край до русских, русское завоевание, жизнь края до 19 века Ц. 25 к.
- № 13—14. **Его же.**—Исторический очерк, ч. 2—19 век (подготавливается)
- № 15. **Шнейдер А. Р.**—Население края (подготавливается).
- № 16. Туземцы севера.
- № 17. Туземцы юга.
- № 18—20. Сельское хозяйство края (подготавливается).
- № 21. **Розинг С. Д.**—Леса и лесное хозяйство края Ц. 25 к.
- № 22. **Косованов В. П.**—Горные богатства края Ц. 25 к.
- № 23. Рыболовство в крае.
- № 24. **Яковлев Е. О.**—Охота в крае (подготавливается).
- № 25. **Смирнов В. А.**—Пути сообщения в крае (подготавливается).
- № 26. **Косованов В. П.**—Обрабатывающая промышленность (подготавливается).
- № 27. Революционное движение в крае (подготавливается).
- № 28. Путеводитель по Красноярску (готовится).

Каждый выпуск „Библиотеки“ представляет самостоятельное целое и может приобретаться отдельно по 25 к.

Принимается подписка на все издание по цене 7 руб. с пересылкой.

Издание выходит по мере поступления материала; выпуски: 1, 10, 12, 21 и 22—вышли. Осенью 1926 г. выходят №№ 18—20, 24, 25, 26, 27 и 28.

СКЛАД ИЗДАНИЙ—Красноярск, Бюро Краеведения, здание Музея.